

Рена

Жушанова

ТАНЦЕВАТЬ, ПОКА СИЛ ДОСТАЁТ...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Второй год декрета, и не скоро лето,
 дача, воздух, река, облака.
 Я сижу с ребенком, ползунки-пеленки,
 тазик, блендер, пи-пи, ка-ка.
 Центр всей Вселенной обдирает стены,
 тычет пальчик в электроразъем.
 Спит с котенком из плюша, любит музыку слушать,
 день-деньской мы одни, но вдвоем.
 Ночь, зима, эклога. Спи, моя берлога.
 Подежурим, букридер? «*Bien sûr*».
 Лао-Цзы, Марк Аврелий, нет вам равных в постели,
 мысли рысь переходит в аллюр.
 Я никто. Просто мама.
 Чту Омара Хайяма
 да иных виршеплетов сонм.
 И мой жемчуг – мелкий, жидок суп в тарелке,
 беспокоен предутренний сон.
 Под окном – «Приора», а в окне Аврора –
 не корабль, богиня зари.
 Рядом Тенгри с лучами головою качает:
 «Эй, подъем, загасить фонари!»
 Как ядро с вакуолью, я не чувствую боли –
 ее просто-напросто нет.
 Смысла жизни поиск – *Sic-transit*'ный поезд –
 ни догнать, ни купить билет.
 Все окей, зер гут, зеркала мне врут,
 амальгаму стыдом не выест.
 Это генный код щедро фору дает
 и бросает в нагрудный вырез.
 Муж – не уж, свезло, с ним комфортно зело,
 мы как минус и плюс двух магнитов.

В сентябре – снова в бой, но покуда, ту боу,
эта тема тобою закрыта.

Будет каша из манки и прогулка на санках,
телефон, телевизор, компьютер.

Будет жаркий очаг, будет радость в очах,
будем мы – твои фатер и муттер.

ИГРА ПО ПРАВИЛАМ, ИЛИ «ГИП-ГИП, УРА!»

Не суждена карьера журналистки,
и ни к чему отточенность пера:
писать красиво – мало, нужен стержень
и ловкая повадка пофигистки,
без задних ног и мыслей до утра
храпеть способной, как бездумный шершень,

жужжащий день за днем о надоевшем
без устали, без памяти стыда,
рефлексом безусловным вечно движим.
Ушла, в терновнике пичугой спевшей
песнь краткую, но славную, когда
с коллегой тесно подружилась рыжим.

(Вернее, русым – уточню дотошно,
он замредактора теперь и спутник мой).
Но в теме остаюсь, дыша неровно
к газетной свистопляске заполошной
и бултыхаясь, в общем, за кормой,
пишу лишь изредка, уже бескровно,

не тратя нервов, с наслажденьем просто,
хотя и в тон официальной прессе –
лукавя через фразу или слово.
Не скинуть чешуи мне до погоста,
и прозвучит в заупокойной мессе,
что счастья не познала я иного,

лишь слово за слово цеплять дано мне.
А как взбрыкну – муж быстро отрезвляет
аргументированной гладкой речью:
«Ах, дорогая, я прошу, запомни,
что аббревиатура составляет
«ГИП», – и летят слова в меня картечью:

– «Г» – государственная (всё понятно),
«И» – информационная, а «П» –
политика – вот чем живет газета.

И, как в химчистке затирают пятна,
иль новый флок в обтяг на канаве,
иль безнадежных прочь из лазарета –

вот так же фильтровать базар должны мы,
и слога красота – на заднем плане,
а первое – «ГИП-ГИП, ГИП-ГИП, ура!»,
и если принципов крепки зажимы,
тебе вольготней в Интернете станет:
он – прессы завтра, ну а мы – вчера.

Пескарь премудрый, человек в футляре!
Блюди свой «ГИП» – и сядешь в кресло шефа!
А мне болтаться до конца, как видно,
меж берегов, и кипятком ошпарив
микробы правды, полукривды шлейфом
довольствоваться, слогом безобидным

овладевая медленно, но прочно.
Нет критики, а есть PR, реклама.
Критиковать – пожалуйста, на кухне.
Вот так, у берегов канавы сточной
среди отбросов, мусора и хлама,
покуда свет в глазницах не потухнет,

мы фабрикуем новую реальность.
И если журналистика – искусство,
то приукрасить жизнь – ее задача.
Но, погрузившись в эту виртуальность,
испепелив внутри живое чувство,
веселый смех услышишь вместо плача.

Что ж, выбор за тобой жизнь оставляет:
играй по правилам или отринь игру.
Глянь, на скамейке штрафников, в сторонке,
бескомпромиссность глупо прозябает.
Стыдливым рыльцем к пуху и перу
приклеена я сплошь до самой кромки,

и тщетны споры с пагубным пристрастьем –
словесный пазл мне мил, и с ним грешу
напропалую, прочь отбросив гири
весов правдивости. И хоть не в масть я,
всё ж остаюсь в игре и ТАК пишу,
как грезит опытная мышь о сыре.

ДРОБЛЁНЫЙ ОРЕХ

Странная такая любовь,
дроблёный орех.
Домиком приподнята бровь,
русалочий смех.
Каждому кусочек себя,
а всё – никому,
«я» на составные дробя –
в мир шведских коммун.

«Voulez-vous coucher ce soir –
oui, avec moi?»
Франция, менаж а труа,
Лион и Руан.

Загляни в арабский сераль,
в ночь знойных утех:
плотная чадра – не вуаль,
лицо – не для всех.

Скучно мы живем, господа!
Без права на взлёт.
Браков моногамных вода
смерзается в лёд.

Дети, дом, очаг, байбише* –
надёжный оплот.
Это антураж, а вообще –
токал** где-то ждёт.

Брюлики, машина в кредит –
для девочки той.
Байбише, в углу не сиди,
тряхни стариной.

Мир, где мы всего лишь рабы,
до боли нелеп.
Гавриил с призывом трубы
оглох и ослеп.

Душу ты свою не буровь,
позволь себе грех:
странную такую любовь,
дроблёный орех...

* Байбише (каз.) – старшая жена. ** Токал (каз.) – младшая жена.

* * *

Галерея зеркал.
Театр теней.
Перепевы. Ремиксы. Цитаты.
Роковая рука
в глине сумрачных дней
лепит образ Царя Плагиата.

Расхититель гробниц,
книгочей-эрудит,
там и сям ухватив по перу,
у сорок и синиц
получает кредит,
в хвост павлиний вобрав мишуру.

Крепкий сварен бульон
из наследья веков,
книга вечна, а жизнь – коротка.
Чьих терзаний мильон
с уцененных лотков
за копейку уйдет с молотка?

Пастернак, Мандельштам,
Бродский, Хлебников, Блок
в суп наваристый лягут костями.
Операции шрам –
небольшой узелок,
правды искру не высечь плетьюми.

Рецензент за бабло
накропал дифирамб,
табуирован гения нимб.
Абсолютное зло –
измочаленный штамп,
но ведет прямымком на Олимп.

Подражаний мастак,
пародийный король,
фаворит, хвастунишка, мажор,
маг, фальшивый пятак,
хитроумная голь,
фраз чужих виртуоз-дирижер,

в чьё мёд-пиво
теперь окунаешь свой ус?
В чей нектар запустил хоботок?
В чем заливе
пугаешь прибрежных медуз?
Чьей просодии рвешь лепесток?

Кто-то мудрый изрёк,
что, мол, песня плоха,
не похожая ни на одну
из написанных строк.
Все мы – не без греха:
кто рояль украдет, кто – зурну.

Жаждем чистых побед,
от аллюзий – стремглав,
платье – снову и смолоду – честь.
Крутим велосипед
псевдодевственных глав,
но и это уже где-то есть.

Так в театре теней,
в галерее зеркал
наш «Титаник» плывет в никуда,
и в пробоину дней
Время щерит оскал,
слов измызганных плещет вода....

* * *

Ищут пожарные, ищет полиция
днем с фонарем, в кишлаках и столицах,
ищут, как нищий в пустыне – воды,
чистое сердце без пятен и дыр.

Честность, правдивость и великодушие,
целостность – ту, что ничем не разрушить,
и всепрощенье – щекой под удар,
скромность и щедрость, терпения дар.

Ищут студенты, врачи и шахтеры,
учителя, бизнесмены и воры,
ищут давно, но не могут найти.
Этого – нет. Ни вокруг, ни в сети.

Ум с добротой в изящном флаконе,
сердце, раскрытое как на ладони,
мудрость, порядочность, флёр красоты,
словом, Царицы Небесной черты.

Чу! Померещится призрак в тумане,
тянет и блазнится, шепотом манит
в комнату смеха, где площадь мала.
Там – ни души, а кругом – зеркала.

В них – словоблудие, черствость и глупость,
зависть и мстительность, мелочность, скупость,
бездна злорадства и шило в мешке,
желчи напор, как в пожарной кишке.

Лживые мины, двойные стандарты,
фальши актерской краплёные карты,
ханжество, подлость, тщеславие, спесь –
всё, чем больно человечество днесь.

Ищут шизоиды, неврастенички,
ищут в реальности, на веб-страничках,
ищут давно, но не могут найти.
Этого – нет. Ни вокруг, ни в сети.

Может быть, только в забытых селеньях,
да в уходящих, увы, поколениях
отзвуком гаснущим, эхом в горах
призрак живет.
В параллельных мирах.

* * *

Я мысленно надену власяницу
и параллельно дам обет молчанья,
и постепенно саморастворится
мое отчаянье.

Не лопнет нить накаливанья в колбе,
не слышен треск струны в концерте сольном,
растает молча парафина столбик.
Совсем не больно.

Обойма арлекиновых ужимок,
и плач Пьеро ручьями театральный –
магический кристалл, проделки джинна,
экран зеркальный.

Не ранят фразы слабым рикошетом:
смешно, и острой жалости ожоги
прорвутся неоформленным фальцетом
в слова и слоги.

Но дан обет, и власяница колет,
а фитилек дрожит, как от озноба.
«Стоп! Снято!» – то душа в безвестной роли:
твоей – до гроба.

ДЭНС, ДЭНС, ДЭНС

Вот живешь – и живи, и неважно, какой хренотенью
занимаешься, важно не думать совсем ни о чем.
Всё идет как идет, и послушно плывя по теченью,
знай подталкивай вёслами старый маневренный челн.

Завещал нам хитрец Мураками (не Рю, а Харуки)
танцевать, танцевать, танцевать, пока сил достаёт.
Только в оба гляди, ведь повсюду раззявлены люки,
и отнюдь не всегда под рукою зеленка да йод.

Нет героев сегодня, а трикстеров – даже с избытком,
и в тебе и во мне сумасшедшинки дикий настой,
так вслепую прошита душа красно-белую ниткой,
зло с добром сплетены вперекрут в нити каверзной той.

Жизни вечный танцпол, карнавал, вихревое мельканье
маскарадных костюмов, речей, переменчивых мин
нужно молча принять, без наигранной бури в стакане
иллюзорных терзаний, оставшись собою самим.

Там, где нет ничего, еще что-то беспомощно ноет,
а на сердце повисло до чёрта тяжелых камней.
Дэнс, дэнс, дэнс, отправляя за скобки мираж паранойи,
навсегда, безоглядно, Орфеем из царства теней...

* * *

выдыхается кровью застывшей мерло
испаряется градус бесценный
и уже как ни плачь мне камбэк запаadlo
всё прошедшее кажется сценой
из какой-то «пиесы» с надрывом в конце
по мотивам сто раз перепетым
а в соседнем шикарном и шумном тц
продается летейское лето
что ушло отпущу без претензий и проч.
подмигну загорелому клерку
на ресепшн дежурная спустится ночь
и захлопнет в минувшее дверку

ANIMAL INSTINCT

И больно, и страшно, и грустно.
Ошибка, банкротство и блеф.
Зануднейшей книжицей Пруста
звучит пораженья напев.

Но, словно в задышливом спринте
борьбы по горячим следам
поет о животном инстинкте
Долорес О`Риордан.

И вновь – амбразуры и дзоты,
прогулка по минным полям,
с попытками выиграть что-то,
кредиты свести по нулям.

Война – до победного вздоха,
до вскрика – решающий бой.
Отлично, посредственно, плохо –
начертано данной судьбой.

С контузией в тыл комиссуют,
забыв про дежурный паек.
И кельтским мелизмом рисуясь,
ирландская дива споет

о том, что и больно, и сладко,
о том, что без этого – труп.
Слова сожаленья украдкой
сорвутся с запекшихся губ

невинной воздушной безешкой
под миленький, простенький рифф.
И легкость очищенной флешки
в прощальных аккордах моих.

* * *

Абзалу Мухитдинову

Опера гаснет и тает, как облачко дыма.
Все фигуранты давно разошлись по домам.
Спит Астана, но тенями, скользящими мимо,
духи театра танцуют с героями драм.

Мягкие кресла партера следят за мельканьем
странных бесплотных созданий на фоне кулис.
Фея ночного балета безропотно канет
вместе с рассветом, и тихо поднимутся ввысь

отзвуки и обертоны спектаклей минувших.
Их повелитель не дремлет, и взглядом орла
вновь отбирает себе только лучших из лучших,
музыка вечности чтобы жила и цвела,

чтоб на степные просторы бальзамом целебным
 щедро лилась и летела стрелой в небеса.
 Он не кудесник, но палочки взмахом волшебным
 над партитурой творит каждый день чудеса.

* * *

Из аула родного откочевав сквозь слёзы и тернии,
 не имеет степняк ни угла, ни прав, жизнь разбита-потеряна...
 Всех приветит столица из дальних мест: оралмана, южанина...
 Ну, Аллах ведь не выдаст, овца не съест нью-горожанина.
 Вместо дома – временки и гаражи, контейнер, вагончики...
 Вместо мыслей – мечтания-миражи, ресурсы подмочены...
 Санузел – нужник с видом на Байтерек (или простенький тополь).
 Изнуряющий марафонский забег плюс кредиты на что-то.
 «Размножайся-плодись», – Господь повелел людям богопослушным.
 Вот задачи-цели, предел и удел, вам иного не нужно.
 Вся отдушина – праздники, той-думан да с саркытом мешочки...
 Замело путь-дорогу, густой туман, сплошь ухабы да кочки...

Той-думан (каз.) – пышное празднество. Саркыт (каз.) – гостинцы.

* * *

Ольге Григорьевой

межпоколенческий диалог
 всё продолжаю,
 сколько окольных путей-дорог,
 скольким – чужая...
 а между нами – такая цепь,
 не перервёте,
 пусть за окном только степь да степь,
 беркут в полёте –
 нас подружила, навек сведя,
 Анастасия,
 каплей цветаевского дождя,
 крестною силой,
 жизнью за совесть, а не за страх,
 в письмах и книгах
 вспышкой негаснущего костра,
 вечностью мига...

* * *

...и пусть кто-то брякнет, что ты разменяла полтинник,
 что приступ, увы, заключительный, бабьей жары,
 уже не напаялишь ни шорты, ни юбочку мини,
 и нет в закулисье былой театральной игры, –

в ответ загвозди афоризм Тихомировой Кати
про то, что начало начал, Ренессанс, и вообще –
рябина ведь слаще, когда уж морозцем прихватит,
кровавым подбоем алеет на белом плаще...

* * *

эту музыку создавали богатыри –
не из тех, что каменья ворочали и дубы,
с партитурами от зари до зари
да с клавирами – как с кирпичами рабы

раз кирпичик, еще кирпичик, и день прошел...
глядь – в полгода симфонию сотворит...
кто-то сморщится: «Ах, как нехорошо!»,
кто-то в трансе, восторга огнем горит...

богатырь безделицу написал –
так, для отдыха что-то, страниц на семь,
но ликует громко концертный зал,
эта вещь понравилась вся и всем

ему нужно есть, ему нужно спать,
и бывать на воздухе иногда,
у него есть дети, жена и мать,
и долги с кредиторами – вот беда...

он давно в могиле, и спит оркестр
тем же вечным и богатырским сном,
он записан в книги, внесен в реестр:
кто-то там великан, кто-то просто гном

знать, гнобили гнома, и он зачах,
или сразу гномом и был рожден,
а гигант высок и широк в плечах –
мокнет памятником под проливным дождем

от него останется куча нот
плюс легенды о том, где, за сколько, в каком году...
а звучит его музыка или с ним умрет –
это уж как написано на роду...

* * *

Вот подарок нежданный в акме:
нить, нейлона и шелка прочней,
через тысячи пыльных кэмэ,
сотни лиц и непрожитых дней.

Зол и едок реальности лук,
но слезинку смахну со щеки.
Знает вещая птица Самрук,
что номады в движенье легки.

Тыща верст нам ни крюк, ни петля,
расстоянья – химера и блеф,
Бога ради ли, дьявола для
мы меняем привычный рельеф

под заманчивым светом Плеяд,
ноют ноги в стальных стременах,
наших душ метеоры горят,
застревая в иных временах.

Как простой мексиканский шаман,
в мескалиновый морок вплыву,
спрячу трезвость в глубокий карман
и зависну во сне наяву...

* * *

Нет ведь ни грамма ни стильности, ни породы,
стиль мой – джинса, свитерок, невысокий каблук.
Годы уходят, уходят не худшие годы.
Где вы, ресницы с ногтями, «прикинутый look»?

Нет ни молодцеватости с бодрой улыбкой,
ни аппетитных, румяных, холеных щёк.
Труд и усталость, как пара «иголка с ниткой»,
отдана жизнь в невозвратный и вечный залог.

Косо гляжу на хозяйку сомнительной фирмы:
там каблуки и браслеты, и праздная статья,
складки ж от носа к губам, неприкрытые ширмой
пластики с ботоксом – тоже не девочка, мать.

Мать вашу за ногу, чей неопознанный поезд
прочь уволок беззаботность студенческих лет,
платице по фигуре и позолоченный пояс,
и простодушное «ах, какой персик» вослед?!

* * *

Спасаясь от зимы мехами,
зачем-то говорить стихами,
когда естественней молчать
или строчить кому-то в чат,

налив шестую чая чашку,
не сняв последнюю рубашку,
плыть по волнам житейских вод,
вгребая в старый Новый год.

Денёк за днём, уже Крещение.
«Ваш муж нырял?» – «Прошу прощенья?»
«А мой – он тот еще нырок».
«А как же Мухаммед-пророк?!»

Смешная жизни мешанина,
все мы из разноцветной глины,
широкий взгляд, крутой замес –
примета наших дивных мест.

Святой воды набравши чинно,
везет домой степной мужчина.
Калейдоскоп и микс во всём,
зем-зем, крещенский водоём –

никто ни в чем не ограничен,
и синтетично-органичен,
как воздух, как земля и небо,
как ложь и правда, быль и небыль...

Рена Жуманова – член Союза писателей Казахстана, автор поэтических книг «Подушечка для иголок» (2015), «Сонеты к Шокану» (2017), «Стекловата» (2020). Окончила дистанционные курсы литературного мастерства Андрея Воронцова, российского писателя и публициста, руководителя семинара прозы ВЛК при Литинституте им. Горького, а также онлайн-курс школы писательского мастерства CWS Майи Кучерской. Инициатор открытия постоянной экспозиции Анастасии Цветаевой в Музее истории города и организатор цветаявских костров в Кокшетау (2017, 2018, 2019). Автор ряда публикаций об Анастасии Цветаевой в региональных печатных СМИ и республиканском журнале «Простор». Основатель и руководитель открытого литературного клуба «ВООКРАrnas». Обладатель диплома «За верность русскому слову» и памятной медали Московской городской организации Союза писателей-переводчиков. Лауреат VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира» (г. Минск). Стихи и рассказы публиковались в журнале «Кокшетау», санкт-петербургских альманахах «Огни гавани» и «Параллели судеб», журнале «Простор», российской «Литературной газете», альманахе «Казахстан – Россия», журнале «Литературный Кыргызстан», поэтической антологии «Вечная страна моя», альманахе «Балтика» (г. Калининград), альманахе «Пашиня» (г. Москва). Живет в Кокшетау.

